

В мире сновидений сердце Юнь Чжиина бешено колотилось — возможно, из-за того самого гормонального всплеска, который случается при любви с первого взгляда.

Тан Линъянь коснулся рукой груди, сохраняя на лице равнодушие. Он полагал, что правитель целого государства, влюбившись с первого взгляда, непременно должен был выбрать в возлюбленные неземную красавицу. Но это существо, стоявшее перед ним, выглядело совсем ребенком — не больше десяти-двенадцати лет, а на пухлых детских щеках еще не проступили черты взрослого человека.

Юнь Цзи: У тебя вообще есть хоть капля приличия?

Тан Линъянь находил нелепой саму мысль, что Юнь Чжиин мог стать тираном-безумцем ради такого дитя. Лишь позже, благодаря пояснениям Ши Ши, он узнал, что этой девочке на самом деле уже несколько сотен лет. Что ж, духи — это совсем не люди.

Дальнейшие сновидения превратились в мутный хаос, где Тан Линъянь перестал различать, кто есть кто. Разрозненные обрывки грез перемешивались с сумбурными воспоминаниями Юнь Чжиина, словно он смотрел на прошлое этого правителя через калейдоскоп. Тан Линъянь уходил все глубже в бездну, теряя счет времени.

Внезапно откуда-то издалека донесся женский голос. Тан Линъянь поднял голову из глубины своего кошмара.

— Государь... Государь, не пугайте свою слугу.

Вспыхнул дневной свет, и чьи-то нежные руки, окутанные сиянием, потянулись к нему. Он машинально протянул ладонь и крепко ухватился за них — и окружавшая его густая, как туман, тьма в одно мгновение рассеялась.

Тан Линъянь наконец вырвался из сна. Тело наполнилось тяжестью и слабостью. Он долго приходил в себя, глядя на свои пустые ладони: ощущение прикосновения было слишком реальным, чтобы быть сном. Просто кто-то отпустил его руку в тот самый момент, когда он открыл глаза.

— Государь очнулся, почему вы медлите с осмотром?

Тан Линъянь повернул голову на голос и увидел женщину, сидевшую у его изголовья. На ней было простое зелено-голубое платье, а чистое, бледное лицо выражало глубокую усталость — было видно, что она держится из последних сил. Заметив его взгляд, она слегка улыбнулась, и в ее ясных глазах отразилось тепло:

— Государь, вы чувствуете себя лучше? Государственные дела, конечно, важны, но нельзя же так изнурять себя.

Улыбка показалась ему фальшивой, до боли напоминающей дежурную вежливость на официальных приемах. Тан Линъянь притворился, что ничего не заметил, и протянул руку дрожащему от страха старому лекарю.

Эта женщина, должно быть, и есть Чун Ин. Та самая несравненная царица, которая с боями пробивала себе путь к трону, чтобы в итоге проиграть какой-то девице неизвестного происхождения. Тан Линъянь невольно проникся к ней сочувствием.

Царица поправила ему одеяло. Заметив его странный взгляд, она слегка удивилась:

— Что с вами, государь?

— Я в порядке, благодарю за заботу.

Даже если это была лишь игра на публику, вежливые слова были необходимы. Однако, стоило ему произнести это, как он заметил на лице Чун Ин странную тень, которую она, впрочем, тут же скрыла.

— Забота о государе — мой долг.

Чун Ин поманила слуг, а сама отодвинулась на полметра от кровати. Лекарь, закончив осмотр, принялся ворчать:

— Государь, вы пробыли без сознания целых два дня. Это верный признак переутомления, прошу вас, больше отдыхайте.

— Хорошо, я понял. Можешь идти.

Раз уж причину его обморока преподнесли на блюдечке, глупо было бы не согласиться. Тан Линъянь догадывался, что Юнь Чжиин специально устроил этот провал в небытие, чтобы показать ему некие события. Этот безумный правитель совершенно не берег свое хрупкое тело!

От подобных мыслей у Тан Линъяня снова разболелась голова. К тому же этот тиран был еще и ужасно обидчивым — не выносил ни слова критики в свой адрес. Он бросил взгляд на Чун Ин: она не сводила с него глаз, и в этом изучающем взгляде читалось сомнение. Тан Линъянь слегка опешил: он ведь почти не контактировал с ней, неужели успел себя выдать? Но когда он снова посмотрел на нее, она отвела глаза и уставилась на собственные носки туфель.

Было очевидно, что Чун Ин больше не хочет с ним разговаривать. От этой мысли сердце Тан Линъяня болезненно сжалось, к горлу подступила горечь. Он стиснул простыни и мысленно закатил глаза. Неужели Юнь Чжиин страдает? С чего бы ему страдать? Лицемер.

Чун Ин прикрыла рот рукой, подавляя зевоту. Видно было, что она давно не спала — интересно, сколько времени она провела у его постели, пока он был без сознания?

— Двое суток, — неожиданно отозвалась Ши Ши, появившись рядом.

От этих слов тупая боль в груди Тан Линъяня стала невыносимой. Она расплзлась от сердца, словно тонкая сеть, опутывая его и стягиваясь все туже. Юнь Чжиин сейчас испытывал невыразимое раскаяние. Тан Линъянь был вынужден прижать руку к груди, чтобы подавить этот захлестнувший его поток эмоций. В голове стало пусто, он не мог вымолвить ни слова, но про себя яростно ругался: Юнь Чжиин, ты же влюбился в ту девицу с первого взгляда, что за спектакль ты устраиваешь перед царицей?

Тан Линъянь ненавидел то, что вынужден делить с ним чувства и пассивно переживать эти эмоциональные бури. С мрачным видом он перестал смотреть на Чун Ин. Выпив лекарство, поданное лекарем, он сел и накинул халат:

— Благодарю за заботу, царица. Иди отдохни, я навещу тебя позже.

Чун Ин замерла, с недоверием глядя на него, но затем, словно о чем-то вспомнив, улыбнулась:

— Хорошо, государь, отдыхайте. Позвольте мне откланяться.

Кто из посторонних, глядя на эту сцену, не восхитился бы их глубокой привязанностью? Юаньбао в стороне уже утирал слезы, явно тронутый чувствами императорской четы. Жаль только, что в реальности та девица уже проникла во дворец, а супруги давно стали друг другу чужими людьми.

Тан Линъянь понимал, что с царицей что-то не так, но боль в сердце заставляла его обливаться холодным потом, и сил размышлять не оставалось. Лишь когда Чун Ин ушла, эмоции Юнь Чжиина улеглись, и он смог наконец перевести дыхание. Никогда бы не подумал, что царица имеет такое влияние на этого тирана. Провожая взглядом ее удаляющуюся фигуру, Тан Линъянь погрузился в раздумья.

— Ши Ши, — позвал он.

— Да?

Ши Ши отозвалась, но, видя, что Тан Линъянь больше не размышляет о другом, замолчала — без доступа к его мыслям ей стало скучно.

Тан Линъянь выпил лекарство и провалился в глубокий сон, восстановив силы лишь к полудню. Когда солнце начало клониться к закату, он в сопровождении слуг вышел из дворца. Воздух на горе Юнь был свежим, пропитанным ароматом трав и неведомых плодов; от одного глубокого

вдоха становилось легко на душе. Тан Линъянь выдохнул, чувствуя, как остатки усталости покидают его тело.

— Юаньбао, уведи их. Я хочу прогуляться один.

— Слушаюсь.

Юаньбао с беспокойством взглянул на государя, накинул ему на плечи плащ и молча увел слуг, оставив лишь стражу, которая негласно следовала за ними из тени. Тан Линъянь шел по вымощенной галькой дорожке. Листья на деревьях, еще не до конца пожелтевшие, дрожали на ветвях, и порой порыв ветра срывал несколько штук, заставляя их медленно кружиться в воздухе.

В глубине рощи уже лежал толстый слой опавших листьев — в государстве Юнь наступила ранняя осень, время созревания плодов Лиянь. Вдоль дороги росли деревья, но они были еще совсем молодыми, едва покрытыми листвой. Ши Ши рассказывала, что зрелые Древа Плода Прекрасного Лица сначала дают плоды, а уже потом обрастают листвой, и лишь незрелые деревья стоят сплошь зелеными. Тан Линъянь плотнее закутался в плащ и зашагал по осеннему лесу.

— Ши Ши, где она?

— Иди за мной.

Подул ветерок, и перед Тан Линъянем появилась бабочка с черными крыльями, затрепетав в воздухе. Не нужно было спрашивать, чтобы понять — это Ши Ши. Он неспешно двинулся вслед за бабочкой, разглядывая виды императорского сада. Здесь было чисто и уединенно: каждое место — словно отдельная картина, осенние цветы радовали глаз в каждом уголке, создавая атмосферу уюта, а не беспорядка. Архитектура и планировка сада соответствовали его вкусу. В этом Юнь Чжиин не был похож на тех тиранов из истории, которые стремились лишь к показной роскоши. Это место походило скорее на уединенную усадьбу в южных краях, чем на императорский дворец.

В глубине сада, рядом с древними деревьями, раскинулся сад плодов Лиянь. Здешним деревьям было не меньше сотни лет — их стволы были такими толстыми, что их едва могли обхватить двое человек. Слуги, работавшие здесь, при его появлении почтительно склонялись в поклоне. Но чем дальше он заходил, тем реже встречались люди, и природа здесь росла в диком, первозданном виде.

Черная бабочка остановилась перед старой дворцовой дверью. На ней висела табличка: Запретная зона. Нарушителям — смерть.

— Запретная зона?

Ши Ши снова приняла форму светового шара, но от постоянного изменения облика ее сияние заметно потускнело.

— Она там.

<http://bllate.org/book/18607/1791677>